

ТЕМА АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ СИЛЬВИИ ПЛАТ "THE BELL JAR" / "ПОД СТЕКЛЯННЫМ КОЛПАКОМ"

(Григорьева Т.С., 1 курс, "Зарубежная филология")

Исповедь есть неотъемлемая часть христианского вероучения. Постепенно входя в светскость, она превращается в уникальную форму человеческого самовыражения, где синтезируются значение религиозного откровения и критерии действительности бытия. Текст исповедального слова – индикатор наполненности проблемы, которую обойти нельзя. Его архитектура парадоксально сопряжена с антонимическими категориями философско-религиозного дискурса (содержание и форма, пространство и время, возможность и действительность и т.д.) Поэтика исповедальных текстов может проявляться во всём многообразии этико-эмоциональных обертонов, в неожиданных формах: очевидно, что преимущественно она связывается с психологизмом и его художественными средствами, но с тем же успехом отмечается, что не всякое психологическое произведение имеет исповедальные интенции. Одним из ярких представителей романной исповеди является Сильвия Плат. Как и должно быть по канону жанра, в произведении "Под стеклянным колпаком" освещены темы, неприятые для гласного обсуждения в обществе, в частности, раскрывается вопрос о гендерной идентификации и суицидальных наклонностях человека с расстроенным сознанием.

Цель данного исследования - рассмотреть проблему назначения писателя через описание мироощущения главной героини Эстер Гринвуд, являющейся "альтер-эго" Сильвии Плат.

ПРИМЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, РАСКРЫВАЮЩИХ АВТОРСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭСТЕР

Эпитет

Back on the breezeway, I fed the first, **virgin sheet** into my old portable and rolled it up. // Вернувшись к столику, я вставила первую, **девственно-чистую страницу** в свою старую портативную пишущую машинку и прокатила ее под валик.

Сравнение

1) Words, dimly familiar but twisted all awry, **like faces in a funhouse mirror**, fled past, leaving no impression on the glassy surface of my brain. // Слова, смутно знакомые, но искаженные, **как лица в зеркалах комнаты смеха**, пролетали мимо, не оставляя никаких следов на стеклянно гладкой поверхности моего мозга.
2) From another, distanced mind, I saw myself sitting on the breezeway, surrounded by two white clapboard walls, a mock orange bush and a clump of birches and a box hedge, **small as a doll in a doll's house**. // Другим взглядом, словно со стороны, я увидела себя сидящей за столиком в переходе: по бокам две белые дощатые стены, спереди и сзади – куст чубушника, березки и живая изгородь, и я – **словно куколка в кукольном домике**.

Метафора

My eyes sank through **an alphabet soup of letters** to the long word in the middle of the page. // Мой взгляд скользнул по **буквенной бурде** к длинному слову посередине страницы.

Ирония

riverrun, past Eve and Adam's. . .
I thought the small letter at the start might mean that nothing ever really began all new, with a capital, but that it just flowed on from what came before. Eve and Adam's was Adam and Eve, or course, but it probably signified something else as well. **Maybe it was a pub in Dublin.** // *бег реки мимо Адама и Евы...*
Я подумала, что строчная буква в начале могла подразумевать, что ничего, на самом деле, не начиналось заново, с прописной буквы, а лишь проистекало из того, что приходило ранее. Адам и Ева были, конечно же, Адамом и Евой, но означали они, наверное, тоже что-то другое. **Может, так назывался паб в Дублине?**

Олицетворение

1) The letters grew barbs and rams' horns. I watched them separate, each from the other, and **jiggle up and down** in a silly way. // У букв выросли шипы и бараньи рога. Я смотрела, как они отделялись друг от друга и **смешно покачивались вверх и вниз**.

В результате анализа некоторых стилистических приемов возможно заключить, что **Эстер склонна критиковать себя, как автора, и она делает это не всегда рационально**. Учась в Кембридже и имея немало заслуг, она принижает себя. Свой первый лист будущего романа Эстер описывает как "девственно-чистый" с той мыслью, что особого толка от её письма не выйдет, а это значит, что бумагу, "спрятанную под кучей старых фетровых шляп, одежных щеток и шерстяных шарфов в кладовке в коридоре", она просто испортит. Или же, когда Эстер принимается перечитывать написанное, слова кажутся ей "лицами в зеркалах комнаты смеха", то есть глумящимися над ней. Буквы словно играют с Эстер в салки, но когда подходит её очередь ловить, они обороняются от неё своими "шипами" и "рогами" и ,получая удовольствие от такой нечестной игры, продолжают веселиться, "покачиваясь вверх и вниз". Эстер понимает, что усмирить этот хаос – дело её рук, потому что она "куколка в кукольном домике", а значит, ей подвластно навести там порядок, но с тем же успехом Эстер осознает, что и над ней есть кукловод и что, по всей видимости, буквы – его приспешники, которые должны испытывать Эстер. Вот на таком простом сравнении Сильвия Плат показывает, что подобная игра в марионетки кажется забавной только до тех пор, пока она не превращается в зависимость и не лишает её последнего воздуха "под стеклянным колпаком."

Список литературы:

- 1) Сильвия Плат. Под стеклянным колпаком. М.: АСТ, 2016. (Перевод Сюзанны Алукард) Глава 10; [96-100]
- 2) Уваров М.С. Архитектура исповедального слова. СПб, 1988
- 3) Plath, S. The bell jar. (A Bantam Book published in 1971 by Harper&Row; NYC);Chapter 10; [98-102]